

С.И. Панцир

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИХХСКОЙ ОБЩИНЫ В КАНАДЕ

В истории большинства групп иммигрантов в Канаде этнический фактор сыграл важную роль, определяя характер экономической, общественно-политической и культурной жизни не только отдельных этносов, но и канадского общества в целом, которое в результате оформилось как полиэтническое.

Феномен «этнического» в стране, где преобладают выходцы из Европы, отчетливо проявляется в связи с возрастанием на современном этапе численности и роли африканских и азиатских иммигрантов. В условиях дискриминации расовые и этнокультурные различия долгое время удерживали выходцев из Африки, Китая, Японии на периферии общества, в отдельных кварталах больших городов, что способствовало сохранению этнического сознания и традиций. Индийская иммиграция с самого начала имела в этом отношении важное отличие: она избегала обособленной локализации. Именно поэтому вопрос о прочности и значении этнокультурных традиций индийских иммигрантов в англосаксонской среде вызывает особый интерес. В наши дни индийская община в Канаде привлекает к себе внимание канадских ученых, прессы и политиков из-за стремительного роста ее численности. В начале 1980-х годов число выходцев из Индии не превышало 150 тыс., а к началу 1990-х годов, согласно переписи 1991 г., составляло уже 324 840 чел., в связи с чем индийская группа по численности заняла 10-е место в «канадской мозаике»¹. Сейчас индийцы проживают во всех провинциях Канады, но основными регионами их расселения остаются провинции Британская Колумбия и Онтарио.

В своем развитии индийская иммиграция в Канаду протекала в два этапа. На первом этапе (1897–1952 гг.) в Канаде, преимущественно в провинции Британская Колумбия, поселилось около 2 тыс. сикхов, эмигрировавших из центральных районов Пенджаба – Джалландхара и Хошьярпура. Они представляли одну из наибольших религиозных общин Индии, которая начала складываться в начале XVI в. из последователей основателя учения сикхов гуру Нанака. Отличительными чертами сикхизма были антикастовая направленность, отрицание авторитета вед, единобожие, а также призывы к активной общественной и хозяйственной деятельности. Последний аспект, оформившись в трудовую этику, сыграл немаловажную роль в процессе адаптации сикхов к рыночным преобразованиям в Пенджабе во второй половине XIX в. и соответственно в формировании мотивов к свободной (в отличие от контрактной) трудовой эмиграции как реакции на кризисные явления в экономике Индии, а также в успешной экономической деятельности в Канаде.

Начавшийся после отмены в 1952 г. рестрикционного иммиграционного законодательства и продолжающийся в наши дни второй этап индийской иммиграции в Канаду отличался от первого численным ростом, расширением источников иммиграции и конфессиональным разнообразием. Сикхи до сих пор занимают центральное место среди индийцев в Канаде, хотя начиная с 1962 г. в страну стали прибывать индийцы с о-вов Фиджи, исповедующие индуизм. Со второй половины 1960-х годов приезжают индийские мусульмане из Восточной Африки – жертвы политики африканизации в Уганде и Танзании.

Индийская иммиграция в Канаду началась 100 лет назад. Начало ей положили сикхские солдаты британской армии, которые в 1897 г. принимали участие в параде британских вооруженных сил в Лондоне в честь «бриллиантового юбилея» правления королевы Великобритании. Обратный путь в Индию лежал через Канаду, где солдаты обратили внимание на высокие заработки и большие возможности для трудоустройства. Некоторые из солдат остались, а вернувшиеся в Индию сообщили о виденном в

Канаде родственникам и знакомым, проживавшим в Пенджабе, а также за пределами Индии – в Гонконге, Шанхае, Сингапуре².

Численность первых поселенцев была незначительной. Они достаточно хорошо знали английский язык и английские «порядки», поэтому не привлекали к себе внимание властей. С весны 1904 г. в Канаду начали прибывать большие группы крестьян из центральных районов Пенджаба. Их доставляли суда Канадско-Тихоокеанской железнодорожной компании, нуждавшейся в дешевой рабочей силе, особенно после введения ограничений на въезд в страну китайских рабочих. До апреля 1908 г. в Канаду прибыло 5179 индийцев³.

Казалось, индийская иммиграция по сравнению с китайской и японской имела хорошие условия для численного роста. Индийцы были британскими подданными и имели, таким образом, право свободного передвижения или переселения в границах империи, что подтвердил тогдашний канадский премьер-министр В. Лорье. Вместе с тем администрация Британской Колумбии опасалась потока иммигрантов из многомиллионной Индии. В условиях увеличения потока рабочей силы из Азии и экономического кризиса 1906–1907 гг. лидеры профсоюзов развернули антииндийскую кампанию. Они настоятельно требовали прекратить иммиграцию. В сентябре 1907 г. начался так называемый ванкуверский бунт – прибытие в порт корабля с индийцами на борту сопровождалось демонстрациями и погромами в азиатских кварталах города⁴.

После долгих переговоров с Лондоном канадское правительство, наконец, нашло форму законодательного ограничения иммиграции из Индии. Иммигранты обязаны были при въезде иметь на руках 200 долл. вместо обычных 25. Кроме того, им следовало прибывать прямым рейсом из той страны, гражданами которой они являлись. Из Индии такого рейса не было, а потому индийская иммиграция стала невозможной *de jure*⁵. Так закончилась первая волна иммиграции индийцев в Канаду.

Из прибывших 5 тыс. переселенцев около 3 тыс. покинуло страну. Численность общины, вплоть до 1940-х годов, составляла около 2300 чел., проживавших преимущественно в Британской Колумбии. Незначительное количество индийцев жило в Манитобе, Онтарио и Квебеке⁶.

Первоначально иммиграция индийцев носила временный характер. Главной задачей переселенцев было заработать как можно больше денег, чтобы затем переправить их семьям в Индию. Основная масса индийских иммигрантов работала в лесозаготовочных лагерях на деревообрабатывающих заводах Виктории, Ванкувера, Нью-Вестминстера⁷.

Индийские иммигранты не придавали особого значения бытовым условиям. Это не противоречило традиционным обычаям, подчиненным одному из центральных идеалов сикхизма – идеалу простоты. Как правило, несколько мужчин снимали за низкую плату необустроенную комнату, которая служила одновременно кухней, столовой и спальней. В пище предпочтение отдавалось традиционной кухне. Сикхи сами готовили хлебные лепешки – чапатти и блюдо из риса и пряностей – кари. Такое общежитие представляло собой социальное объединение, основанное на принципах равенства и взаимопомощи⁸. Оно играло свою роль и в религиозной практике.

Основу духовной жизни сикха – последователя учения 10 гуру – составляет *нам-раг* (путь имени), т.е. путь духовного возвышения, слияния с богом через медитацию на его имя. Это путь достаточно сложный, а потому опосредован личностью гуру. Последний 10-й гуру Гобинд Сингх (1666–1708 гг.) передал свою духовную власть сикхским конгрегациям, которые были объединены в духовное братство – хальсу, воплотившую в себя личность гуру, обретая тем самым священный характер. С тех пор в религиозных текстах утвердилась формула: «Один последователь гуру – отдельный сикх, двое образуют священную ассоциацию, но где есть пять сикхов, там уже сам Бог»⁹.

Таким образом, составляя даже небольшую группу, сикхи могли исполнять необходимые ритуалы в самых неблагоприятных условиях. Верующие обязаны были просы-

паться очень рано – около трех часов утра и после омовения медитировать на имя бога, петь гимны и молитвы. По истечении рабочего дня следовала вечерняя медитация.

В случае с индийскими иммигрантами диалог Восток – Запад на канадской почве начался с конфликтов. Еще в 1906 г. наблюдалось противостояние индийской и англосаксонской культур. Канадцы враждебно встретили сикхов, в первую очередь из-за «одежки», которой в сикхизме придается особое значение. Еще со времен Гобинд Сингха внешний вид сикха должен был обязательно сопровождаться атрибутами религиозного значения. Сикху следовало носить штаны особого покроя – качх. Они обеспечивают легкость передвижения и служат удобным нижним бельем в часы отдыха. Железный браслет на правой руке – кара – является символом строгости, непреклонности и дисциплины. Служащий для нападения и защиты меч на поясе – кирпан – знак силы, достоинства и благородства. Длинные волосы – кеш – ассоциируются со святостью, а гребень – кангха – символ идеала чистоты тела, служил обычным средством для поддержания волос чистыми и ухоженными¹⁰.

Указанные символы олицетворяли образ гуру, который соединял в себе святость древних риши с суровостью, непреклонностью и мощью воина – защитника веры. Они должны были поддерживать в сикхе чувство единения с личностью гуру, а через него – с Верховной Личностью. Кроме того, они являлись надежным средством предотвращения отступничества и поддержания единства общины.

Встречая на улицах городов длиннобородых людей с тюрбанами на головах, англоканадцы не скрывали своего раздражения. Политики и журналисты, общественные и профсоюзные лидеры публично выражали неприятие всего индийского, распространяли расистские стереотипы мышления и ксенофобные настроения в обществе¹¹.

Подобная угрожающая ситуация способствовала консолидации индийской общины и появлению в Канаде сикхских общественных и религиозных институтов, призванных защищать интересы сикхов и поддерживать их в духовной и социальной жизни. В 1907 г. в Ванкувере было создано Общество Хальса Диван, которое стало главной управленческой структурой сикхской общины. Поскольку сикхские объединения носили священный характер, вопрос об их управлении или управления хальсой имел особое значение в сикхизме. Идеал равенства и единства в общине был главным критерием управления.

Со времен последнего гуру мыслимая в безусловном единстве община, выступая в роли судебного и законодательного органа, определялась отдельным понятием Пантх, по сути тождественным хальсе. В период преследований сикхов Моголамы (1716–1763 гг.) в какой-то степени удалось воплотить идеал демократического управления. Гурмата (решение гуру) принималась не общим голосованием, а духовными лидерами локальных групп сикхов, посредством которых каждый мог выражать свое мнение. Традиция «политической» гурматы не выдержала испытания временем, и до начала XX в. сикхи так и не выработали оптимальных форм управления.

На основе западных общественных институтов сикхские просветители – участники реформаторского движения Сингх Сабха – создали диваны, или ассоциации, которые активизировали общественно-религиозную жизнь иммигрантов. Они взяли на себя проведение общеобразовательных, социальных и религиозных реформ, призванных возродить «чистый» сикхизм и единство хальсы¹².

Общество Хальса Диван, лидером которого долгое время был сикхский священник Бхаг Сингх, призвано было способствовать созданию сикхских храмов (гурдвар), подготавливать и назначать священников, следить за соблюдением религиозных норм, защищать духовные интересы сикхов Канады. Помимо религиозных функций Общество Хальса Диван взяло на себя проблемы образования и благотворительности¹³.

Важное значение имели гурдвары, призванные стать центрами религиозной и общественно-политической деятельности, где на собраниях сикхов должны были приниматься решения по самым разным вопросам. Первую гурдвару построили в

Ванкувере в 1908 г. Она представляла собой типичное двухэтажное здание. На первом этаже размещались гостиная, кухня, спальни для бесприютных и комната священника. Второй этаж был отведен под молитвенный зал, в который могли входить только посвященные в хальсу сикхи. Внутреннее убранство отличалось простотой: белые стены, украшенные фресками с изображениями сикхских гуру, и большой напольный ковер. В конце зала находился алтарь, в котором хранилась священная книга сикхов Ади Грантх, составленная гуру и другими духовными лидерами сикхизма. Книга, почитавшаяся как гуру, лежала открытой весь день и закрывали ее после вечерней молитвы. Раскрытие, чтение и закрытие книги сопровождалось знаками почитания¹⁴.

Второй по величине и значению стала гурдвара, построенная в 1912 г. в Виктории. Далее гурдвары строились повсеместно там, где проживало 20–25 сикхов. Со временем они стали составляющими деревообрабатывающих заводов, владельцами которых были сикхи¹⁵.

Традиционно сикхи с их общественно-религиозными институтами держались обособленно, не принимая участия в социально-политических процессах несикхской среды¹⁶. Однако обстоятельства склоняли их к другому поведению. Несмотря на значительные экономические успехи, индийская община стала заложницей политических решений канадского правительства, ставивших под вопрос ее дальнейшее существование в стране. По негласным инструкциям после 1908 г. сикхам-мужчинам запрещалось ввозить в Канаду жен и детей. С 1904 по 1920 г. только девять женщин после успешных судебных процессов смогли поселиться в Британской Колумбии, однако принятые судом решения не создали прецедент¹⁷. Индийцы продолжали находиться во враждебном окружении, поэтому для того чтобы выжить, им предстояло вести борьбу с дискриминацией за гражданские права, в том числе за право на семейную жизнь. В результате возникли организации, боровшиеся с социально-политической изоляцией. В 1915 г. появилась индийско-канадская Лига со штаб-квартирой в г. Торонто. Она была призвана способствовать лучшему взаимопониманию между Индией и Канадой, особенно по вопросам индийской иммиграции. В 1916 г. президент Лиги Джеймс Доббс провел исследование условий жизни индийцев в Канаде в целях привлечения внимания общественности к их бесправному положению¹⁸.

Усилия индийских активистов привели к тому, что после 1920 г. нескольким сикхам было позволено везти в страну своих жен и детей. В 1930 г. это право получили все проживавшие в Канаде женатые мужчины. Таким образом, к 1941 г. в стране насчитывалось уже 165 женщин из Индии¹⁹. В апреле 1947 г. благодаря усилиям некоторых предпринимателей, юристов и журналистов (Картер Сингх, Майо Сингх, Капур Сингх Сиду, Гурджит Сингх, Д. Пандья) индийской общине удалось добиться признания ее гражданских и избирательных прав в Канаде²⁰.

До конца 1940-х годов основная масса индийских иммигрантов сохраняла традиционный индийский образ жизни и мировоззрение. Они не испытывали презрения к белым канадцам, хотя и придерживались этноцентрических взглядов на их культуру: сикхи считали собственные духовные ценности более полезными для жизни. Учитывая то, что иммигранты подвергались дискриминации и были лишены семейной жизни, традиции их родины продолжали оставаться единственной опорой в условиях враждебного окружения.

Тем не менее в среде сикхов порой наблюдался отход от религиозных правил. Сикхизм, например, строго запрещал своим последователям употребление наркотиков, спиртного, табака, однако в Канаде эти «грехи» распространились среди сикхов. В 1920-е годы медицинская статистика зафиксировала употребление сикхами наркотиков, правда, в куда меньшей степени, чем китайцами. Около 50% проживавших в Канаде индийцев систематически употребляли такие крепкие напитки, как виски и бренди. Были случаи и гомосексуальных связей²¹.

В целом же большинство сикхов – иммигрантов первой волны оставались верными отечественным традициям и культуре. Позже молодое поколение индоканадцев

назвало их «пионерами», или «старожилами», подразумевая под этим строгий консерватизм и антиассимиляционный настрой иммигрантов первой волны.

Следует сказать, что на первом этапе иммиграции обозначился постепенный отход от традиционных норм жизни и обычаев. Еще в 1910-е годы многие работающие на предприятиях сикхи заменили тюрбаны на европейские головные уборы. Занимавшиеся бизнесом индийцы, поддерживая контакты с несикхской средой, вскоре облачились в западноевропейский костюм и избавились от длинных волос и бород. Они быстро поняли, что одежда и вообще внешний вид определяют не только социальный статус, но и отношение к канадской нации²². К концу 1940-х годов достигло совершеннолетия поколение индийцев, родившихся в Канаде и получивших здесь образование. Они были практически включены в канадский этос, что дает повод говорить о далеко зашедшем процессе ассимиляции, поскольку эти индоканадцы уже плохо знали родной язык, не понимали значения многих положений сикхизма, особенно правила «пяти К», и по своему образу жизни мало чем отличались от канадской молодежи.

Внутри индийской общины назревал конфликт по поводу этнических традиций. Этому способствовало и начало второй волны иммиграции из Индии. В 1951 г. Канада и Индия договорились о ежегодной квоте иммиграции в 150 человек. В 1956 г. она была увеличена до 300. Годом позже канадское правительство разрешило индийским иммигрантам привозить с собой детей и пожилых родителей²³. Канада фактически открыла свои границы для индийцев. Из Индии стали приезжать как сторонники, так и противники «вестернизации», что усилило споры «традиционалистов» и «радикалов» в индийской общине.

Главными предметами спора являлись религиозные атрибуты внешнего вида сикха (правила «пяти К»), знание родного языка (пенджаби) и традиционная семья. Конфликт начался в 1952 г., когда большинство членов Общества Хальса Диван осудило священнослужителя, который во время религиозной церемонии носил меч открытым. Вопрос был поставлен на голосование, и община поддержала протестующих. Традиционалисты восприняли это как вызов и угрозу сикхским ценностям²⁴. Была начата новая дискуссия относительно права безбородого сикха на участие в управлении храмом. При голосовании традиционалисты опять проиграли. В Обществе Хальса Диван верх взяли «вестернизированные» сикхи. «Старожилы» приняли решение отделиться в Общество Акали Сингх со своими собственными гурдварами в Ванкувере и Виктории. В таких условиях Общество Хальса Диван не могло оставаться единственным руководителем общины, и из лидеров двух фракций была образована Ассоциация индоканадцев²⁵.

Позиции традиционалистов ослабевали, многие из старожилов уходили из жизни. Старая гурдвара постепенно теряла свое религиозное значение, а ее прихожане стали игнорировать строгие правила сикхизма, входя, к примеру, в храм с непокрытой головой. Так, к концу 1950-х годов индийцы «канадского стиля» начали безраздельно господствовать в общине.

По мере возрастания индийской иммиграции не только из Индии, но также из Восточной Африки, Латинской Америки и Океании дискуссии о сохранении этнических традиций и сознания разгорелись вновь.

Исследователь индийской иммиграции Р. Шривастава рассказал об одном из диспутов, которые он посещал в 1960-е годы. Собравшиеся обсуждали вопросы создания для молодежи классов по изучению языка пенджаби в старой гурдваре и сбора средств для строительства Центра индийской общины. Утверждалось, что дети, которые растут в Канаде, должны уметь читать, писать и говорить свободно на родном языке, так «чтобы они могли понимать свою религию и гордиться своей культурой». Центр индийской общины должен был стать тем местом, где «дети, юноши и девушки имели бы возможность встречаться и общаться». Подобное решение принималось в ответ на отрицательное отношение индоканадской молодежи к традиционному договорному браку. Возможность встречи юношей и девушек до свадьбы и так противоречила

обычаям, но главным было сохранить индийскую семью как таковую, даже допуская свободный выбор и брак по любви.

Члены правления Общества Хальса Диван так определяли цели, стоящие перед индийской общиной в Канаде: возродить сикхское и индийское сознание, этнокультурную идентификацию, с тем чтобы иметь большую и возрастающую общину; избежать смешанных браков; «импортировать» невест и женихов из Индии, поддерживать традицию договорного брака; поощрять и поддерживать новых поселенцев из Индии. Говоря о традиционалистах, лидеры Общества Хальва Диван утверждали, что питают к ним чувство уважения за тяжкий труд открытия Канады для индийцев, но не могут разделить их позицию по отношению к англоканадцам и их стремление сохранить в прежнем виде традиции. Индийская община должна принять средний курс: с одной стороны, избегать полного копирования канадского образа жизни и противостоять ассимиляции, с другой – понимать то, что было хорошо и полезно в Индии в 1900 г., не является таким в современной Канаде. Необходимо вносить изменения в образ мышления и практику, тем более, что молодежь часто полностью отказывается от индийских традиций, предпочитая жить, как канадцы²⁶.

Противостоять ассимиляции было трудно, несмотря на предпринимаемые лидерами общины меры. Национальный язык выходил из употребления. Традиционный брак подвергался испытанию в условиях наблюдавшихся на Западе эмансипации женщины и свободы нравов. Большинство молодых индоканадцев, получивших хорошее образование, практически не посещали гурдвару и общались главным образом с канадскими друзьями²⁷.

«Средний курс» между тем срабатывал. Некоторые молодые индийцы, выйдя из молодежной субкультуры и остепенившись, возвращались в общину, которая всегда готова была помочь экономически и духовно. Кроме того, община все время «подпитывалась» новыми иммигрантами.

Следует отметить, что в 1960–1970-е годы в связи с прибытием в Канаду индийцев других конфессий индийская община уже не представляла собой единого целого, как это было на первом этапе иммиграции. От общины отделилась группа сикхов, выходцев из Восточной Африки, известная как Рамгария. Первоначально она включала 30 семей, имела собственные собрания и храм²⁸. Поселенцы из Южной Индии, исповедующие учение Заратустры, в 1967 г. объединились в Зороастрийское общество. До сих пор обособленно держатся и индийские мусульмане, выходцы из Пакистана, массовая иммиграция которых началась после 1967 г. Если раньше они организовывались вокруг гурдвары, то сейчас их религиозная и культурная жизнь сосредоточена в исламистских центрах Монреаля, Торонто, Эдмонта и Ванкувера, где собираются также и сунниты со Среднего Востока. Пакистано-канадские ассоциации тесно сотрудничают с ассоциациями мусульман-суннитов²⁹.

На современном этапе этнический принцип все больше теряет свою роль в духовной и повседневной жизни индийцев, однако обретает особое значение в общественно-политической сфере. В какой-то степени можно говорить об этническом ренессансе в политической деятельности, связанной с активной борьбой индийцев за искоренение расизма в Канаде.

Одним из ярких примеров этнической эмансипации можно назвать появление в январе 1994 г. в Палате общин члена парламента от либеральной партии, сикха по вероисповеданию Дурбакса Малхи в тюрбане. Это, естественно, вызвало оживленную дискуссию о канадском «универсализме», о новой роли этнического фактора в канадской политике и в жизни канадского общества вообще³⁰.

Трудно говорить о судьбе этнических традиций индийцев в Канаде в XXI в., но, скорее всего, сохранит свое значение «средний курс», которому Дж. Норрис дал поэтическое определение как «прекрасному смешению веры, традиции, самодостаточности и прилежания старого с яркостью воображения и предприимчивости нового»³¹.

Примечания

- ¹ The Daily. 1993. 23 Febr. P. 10.
- ² Das R.K. Hindustani workers on the Pacific coast. Berlin; Leipzig, 1923. P. 4.
- ³ The Canada Year Book. 1910. Ottawa, 1911. P. 411.
- ⁴ Scanlon S. The Sikhs of Vancouver: A Case study of the role of the media in ethnic relation // Ethnicity and the media: An analysis of media reporting in the United Kingdom, Canada and Ireland. P., 1977. P. 193–261.
- ⁵ Canada. Parliament. House of Common. Report by W.L. Mackenzie King (Sessional Paper № 360). Ottawa, 1908. P. 8.
- ⁶ The Canada Year Book. 1912. Ottawa, 1913. P. 24–25.
- ⁷ Das R.K. Op. cit. P. 23.
- ⁸ Johnston H. The East Indians in Canada. Ottawa, 1984. P. 8.
- ⁹ Singh T. Sikhism: It's Idials and Institutions. Bombay, 1951. P. 39.
- ¹⁰ Singh T. Op. cit. P. 34.
- ¹¹ Scanlon S. Op. cit. P. 201.
- ¹² Singh T. Op. cit. P. 50.
- ¹³ Das R.K. Op. cit. P. 88.
- ¹⁴ Johnston H. Op. cit. P. 8.
- ¹⁵ Das R.K. Op. cit. P. 81.
- ¹⁶ Singh T. Op. cit. P. 51.
- ¹⁷ Srivastava R.T. Family organization and change among the oversees Indians with special Reference to Indian immigrant families of British Columbia, Canada // The Family in Indian. A regional view. The Nague, 1974. P. 369–391.
- ¹⁸ Das R.K. Op. cit. P. 90.
- ¹⁹ Johnston H. Op. cit. P. 10.
- ²⁰ Norris J. Strangers entertained; a history of the Ethnic groups of British Columbia. Vancouver, 1971. P. 233.
- ²¹ Das R.K. Op. cit. P. 84.
- ²² Ibid. P. 68.
- ²³ Canada. Department of Citizenship and Immigration. 1957–1958. Report. Ottawa, 1958. P. 24.
- ²⁴ Scanlon S. Op. cit. P. 217.
- ²⁵ Johnston H. Op. cit. P. 13.
- ²⁶ Srivastava R.P. Op. cit. P. 378, 379.
- ²⁷ Ibid. P. 383.
- ²⁸ Scanlon S. Op. cit. P. 222.
- ²⁹ Johnston H. Op. cit. P. 19.
- ³⁰ Stasiulis D. 'Deep diversity': Race and Ethnicity in Canadian Politics // Canadian politics in the 1990s. Toronto, 1995. P. 191.
- ³¹ Norris J. Op. cit. P. 235.

S.I. P a n t c i r. Some Problems of Sikh Community in Canada

The article stresses that the problem of lasting and importance of Indian immigrant's traditions in Anglo-Saxon environment is very interesting. The Indian immigration to Canada had two stages. Now the ethnic principle is losing its importance in cultural and everyday life of Indian immigrants. But it occupies the special place in social and political spheres. The author considers that it's possible to speak about the ethnic renaissance in political activity connected with the Indian's struggle for the racism eradication in Canada.